

3. В молодости Ш о у

много писал для социалистических листов. Когда он стал богат и знаменит, он продолжал писать для социалистических еженедельников и ежемесячников, хотя они и не могли платить большие гонорары. Даже редакторы малоизвестных американских и европейских журналов, когда они обращались к нему с просьбой что-нибудь прислать, получали обычно одну из характерных для него открыток с несколькими остроумными замечаниями.

На протяжении многих лет я издавал шотландский еженедельник «Форурд», выходящий в Глазго. Когда бы я ни обратился к Шоу с просьбой откликнуться на какой-либо животрепещущий вопрос, он неизменно отвечал мне: иногда это был собственноручный ответ, иногда — если он торопился — это была стенограмма, которую нам приходилось расшифровывать, иногда машинописный текст с тщательно внесенными в него поправками.

Шоу всегда писал ясно и разборчиво, аккуратным, изящным почерком. Рука у него в старости слегка дрожала, но даже незадолго до смерти (в 94 года) почерк его был вполне разборчив.

Печатники любили его набирать, и не только потому, что перед ними лежала рукопись столь знаменитого автора, но и потому, что Шоу заботился, чтобы начертание слов не вызывало никаких сомнений; знаки препинания были расставлены так тщательно, что и самый неопытный наборщик не мог ошибиться.

Я вспоминаю, как зашел навестить его в 1940 году. Его дом на Уайтхолл-корт, 4, стоял в конце квартала жилых домов, расположившихся вблизи Уайтхолла и набережной Темзы. Ему было тогда 84 года, а жене его Шарлотте — 83.

Оба были так подвижны и исполнены такой жизненной силы, что совсем не казались глубокими стариками.

...Как-то Шоу встретился с Крупской. Она не очень стремилась его увидеть, так как слышала, что он груб и язвитель. Однако она нашла, что Шоу отнюдь не высокомерный себялюб, каким его представляют. Энгельс отозвался однажды о Шоу, как о хорошем человеке, попавшем в компанию фабианцев, и Шоу любил повторять это, посмеиваясь.

Никогда я не видел человека, который бы так наслаждался разговором, как Шоу. За завтраком он говорил почти без перерыва. Он наверняка уделял разговор больше внимания, чем еде. Ему как раз вставили несколько новых зубов. Он прихлебывал из большой чашки овощной суп. Миссис Шоу ела мясо, пила вино и с явным удовольствием слушала мужа. Она сама была недюжинным и независимым человеком. Она в чем-то не согласилась с ним и настояла на своем. Шоу вспомнил сказанные им однажды слова о том, что он не сторонник того, чтобы женщинам предоставляли право голоса, ибо они используют его так же плохо, как мужчины. Я спросил, согласна ли она с этим. «Ерунда, и столько раз я это от него слышала».

Сверкающие голубые глаза Шоу на мгновение поглубели еще больше, а затем он рассмеялся. Еще до моего ухода она его заботливо уложила на диван и укрыла пледом, но он успел до этого задать вопрос о финансовых делах «Форурда», который я редактировал, и предложил мне помощь, если она требуется. Миссис Шоу никогда не читала воспоминаний Крупской о Ленине, и через несколько дней я послал ей эту книгу. «Заходите к

Окончание. Начало в «Литературной газете» от 29 июня.

СТРАНИЦЫ БОЛЬШОЙ ЖИЗНИ

Эмрис ХЬЮЗ

нам снова, когда будете в Лондоне», — написала она в ответном письме. «Имейте в виду, что когда мы приглашаем, то делаем это всерьез, а не из вежливости». Когда она три года спустя умерла в квартире на Уайтхолл-корт, Шоу прислал мне к рождеству ее фотокарточку. Думаю, что смерть ее сильно на него повлияла. Он стал совсем одиноким. Она смотрела за ним, заботилась о нем, оберегала его; ему очень не хватало ее.

Во время войны было очень приятно иметь Шоу в качестве союзника по газете; официальные вожди лейбористской партии с трудом выносили самое существование левого социалистического листка и критику с его стороны.

В самом начале второй мировой войны он писал мне: «Факт первостепенного значения — иметь всё время перед глазами во время настоящего кризиса международную сторону вопроса, ибо Старые Школьные Друзья (излюбленное выражение Шоу для обозначения традиционных капиталистических политиков, получивших образование в Оксфорде и Кембридже) находятся у власти. Они не могут додуматься ни до чего лучшего, как раздать Германию одной рукой, а Россию — другой. Чего тут больше — безумия или невежества? ...Россию мы вообще не можем завоевать, даже если бы оказались настолько глупы, чтобы это попробовать. Худшие наши враги в настоящую минуту — это идиоты, которые пытаются навязать нам войну с Россией. Статьи ваши помогают тому, чтобы этого не случилось. Продолжайте в том же духе, желаю вам полного успеха».

Для меня, конечно, много значило получить поддержку такого авторитетного лица.

На протяжении войны я не раз посылал ему вопросы на актуальные темы, он неизменно присылал ответы, которые мы широко использовали. Временами я получал личные записки не для печати. Однажды, когда он вступил в полемику с ирландским президентом де Валера, он был не вполне, по видимому, удовлетворен тем, что написал, и сделал приписку: «Вряд ли это достойно опубликования, но это всё, что я смог из себя выжать. Швырните статью в корзину и сами напишите на ту же тему». Это показывает, какое малое значение имело для Шоу личное самолюбие.

По какому-то поводу он написал об Уинстоне Черчилле: «Я протестую против того, что м-ра Черчила его лейбористские оппоненты обзывают обманщиком. Лицемерие и лживость политических руководителей — это не недостатки. Напротив, это необходимые качества для министров, которым приходится управлять глупцами в соответствии с их глупостью. Нет, м-ра Черчила делает опасным совсем другое — то, что он искренне и честно верит в то, что говорит, и не сознает, что он говорит ерунду».

Когда Россия вступила в войну с нацистской Германией, британские газеты быстро изменили свой тон. Когда Иден в 1942 году вернулся из Москвы, Шоу прислал мне записку: «Я собирался написать для вас статью по поводу доклада Идена о его поездке в Россию, но к своему крайнему изумлению обнаружил, что в передовой «Таймса» предвосхищены мои мысли. Дальше идти некуда. Или, быть может, моя вторая молодость уже переходит в политическое младенчество?»

4. Шоу был невысокого мнения об английском парламенте. Он называл его «говорильней».

Когда кончилась война и было избрано лейбористское правительство, я редактировал «Форурд». Лейборист — член парламента от Южного Эйршайра (где я проживал) внезапно умер, и местные шахтеры попросили меня выдвинуть мою кандидатуру. Я написал об этом Шоу, рассчитывая, что он пришлет мне рекомендацию. Но в ответ пришла одна из обычных его открыток: «Худшие новости на этой неделе. Еще один первоклассный журналист будет завлечен в говорильню и утерян для печати. Молюсь ежедневно о вашем поражении».

Я послал ему позднее текст своей предвыборной речи, и он смягчился. Он прислал мне обширную рекомендацию, которая заканчивалась так:

«Вам будет о чем поразмыслить, когда вы смените ваше редакционное кресло на Лондон, на тот Лондон, где люди, имеющие квалификацию, трудятся ежедневно на своих хозяев до полчетвертого с тем, чтобы получить грош из чудовищных доходов хозяина, и где они настолько политически наивны, что голосуют за паразитов, которые живут на доходы от «собственности» вместо того, чтобы работать, и против нас, которые передали бы лондонские дома в собственность государства и замяли бы нынешние чудовищно вздутые квартирные цены нормальной платой за жилье...»

Я отправился к Шоу через несколько месяцев после моего избрания в парламент. После того как у него умерла жена, жить в Лондоне ему не хотелось, и он удалился в свой загородный дом в Айот Сент Лоуренс в Хертфордшайре. Он не порвал ни в какой степени связей с внешним миром, продолжал относиться с большим интересом к политике и к международным событиям, встречался с людьми, которые проделали трудный путь, чтобы добраться до его деревушки. У него за обедом обычно можно было увидеть театрального постановщика или кинорежиссера, интересовавшихся его пьесами, широко известную кинозвезду, журналиста, зарубежного гостя.

Он был очень предупредителен по отношению к своим гостям и посылал каждому, кого он ожидал, подробные путевые указания, отпечатанные на листках зеленой бумаги. Дом его не был обширен. Он предназначался, собственно, для жилья священника; великий драматург переименовал его в «уголок Шоу».

Я нашел, что он выглядел крупным и похудевшим, менее энергичным, чем раньше; у него было просветленное лицо, говорил он с тем же мягким, мелодичным ирландским акцентом. Ему было за девяносто. Когда я задал ему вопрос о здоровье, он ответил: «Ну, что ж, службу любопытным зрелищем». Я сказал ему, что прочитал статью Ганди, где тот говорит, что собирается прожить до 130 лет. Шоу, как бы не соглашаясь, сделал жест рукой: «Ну, а я буду управляться, пока тут все в порядке», — и он с улыбкой показал на свою голову.

Он много говорил о текущих событиях; память его была превосходна. Лишь когда мы выходили из дому, чтобы посидеть на лужайке, я заметил,

что у него при ходьбе плохо гнутся колени.

Дымчатый кот выбежал навстречу и терся все время о его ноги, пока Шоу ласкал его и говорил ему что-то. У него стояло на участке несколько ульев, и он любил наблюдать за пчелами. В саду была маленькая хижина, где он работал; ее можно было поворачивать вслед за солнцем. Единственное неудобство, сказал он, заключается в том, что повернуть хижину могут двое, один не справляется.

Он много говорил о юридических трудностях оформления завещания. Когда завещание его было опубликовано, то выяснилось, что он оставил значительные суммы на финансирование исследований по реформе английской орфографии. Этот пункт завещания оспаривался в лондонском суде. Судья отнесся к завещанию иронически и рассматривал его как одну из причуд Шоу. Но Шоу специально занимался фонетикой (видевшие «Пигмалион» знают это). Желание его иметь лучший английский алфавит было вполне серьезным.

Англичане не уважают свой язык, писал он в предисловии к «Пигмалиону», и не хотят облегчить своим детям изучение его. Произношение настолько ужасно, что никто не может самостоятельно постигнуть его. Англичанин не может раскрыть рот без того, чтобы не вызвать презрительной усмешки у представителей другого слоя английского населения. Немецкий и испанский доступны иностранцам. Английский язык недоступен даже англичанам.

Для того, чтобы привлечь внимание к этому, он сделал героя «Пигмалиона» профессором фонетики.

Я не выношу тех людей, которые пренебрежительно смотрят на Шоу, как на оригинала и чудака. Это был исключительно здравомыслящий человек. Он только был всегда немногом впереди своего времени. Последнее мое воспоминание о Шоу — это прощание с ним в Айот Сент Лоуренс. Его машина повезла меня на станцию. Он вышел на середину узкой дороги, чтобы убедиться, что впереди нет встречной машины и помахать нам рукой на прощанье. Поворачивая за угол, я увидел последний взмах руки. Больше я его не видел.

Мы продолжали вести переписку вплоть до его смерти. Смерть Шоу последовала от падения, когда он обрел ветки в своем саду. Если бы не этот несчастный случай, он отпраздновал бы, вероятно, столетнюю годовщину. Одна из его последних статей, написанных им для «Дейли геральда», ежедневного официоза лейбористской партии, посвящена была критике внешней политики лейбористского правительства. Он выступил в защиту тех лейбористов, которые не пользовались благосклонностью партийного руководства из-за критических высказываний.

Шоу — великий драматург и писатель. Полностью его труд будет оценен лишь потомством. Он никогда не забывал, однако, о том, что он социалист. Я всегда буду помнить, как он помогал нам, как он стремился рассеять заблуждения, как изболочал он фальшь и лицемерие, как боролся за более разумную цивилизацию.

2 ИЮН 1957

Литературная газета
Г. Москва